

УДК 75.03(476):[1+7.01](520)

Проявление японских философско-эстетических категорий в работах белорусских художников середины XX — начала XXI в.

Лампе И.Ю.

Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск

В статье рассматриваются вопросы использования японских философско-эстетических категорий в творчестве белорусских художников. Автором отмечается, что данная тематика в отечественном искусствоведении изучена фрагментарно. Одним из важнейших источников проникновения японской культуры в творчество белорусских мастеров указан японский кинематограф. В исследовании обозначено, что из 8 категорий, общепринятых в европейском, российском и японском искусствознании, белорусы воспроизводят в своих произведениях всего пять, а именно: ваби-саби, сибуми, ики, югэн и кawaii. Наиболее часто транслируемой художниками Беларуси является ваби-саби. Она описана как трудноуловимая, тяжелопереводимая и многомерная философская концепция с различными интерпретациями. Каждый из мастеров объясняет ее смысл, исходя из индивидуального понимания красоты «по-японски». Особый акцент исследователем сделан на использовании и выражении в своих картинах Александром Ларионовым, Илоной Кособуко, Павлом Шаппо, Владимиром Гацем, Вячеславом Павловцом, Верой Ковзанович, Андреем Басалыгой, Аленой Манько японских философско-эстетических категорий. Отдельное внимание уделено обзору проявления белорусскими художниками философско-эстетических категорий ваби-саби, сибуми, ики, югэн и кawaii в разных видах изобразительного искусства — в живописи, «археологической живописи», акварели, графике и литографии.

Ключевые слова: японские философско-эстетические категории, ваби-саби, сибуми, ики, югэн, кawaii, современное искусство Беларуси, культура Японии, японское влияние в белорусском изобразительном искусстве.

(Искусство и культура. — 2026. — № 1(61). — С. 32–37)

The Manifestation of Japanese Philosophical and Aesthetic Categories in the Works of Belarusian Artists of the mid-20th — early 21st Century

Lampe I.Y.

State Scientific Institution “Center for Research of Belarusian Culture, Language, and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

This article examines the use of Japanese philosophical and aesthetic categories in the work of Belarusian artists. The author notes that this topic has been studied fragmentarily in Belarussian art criticism. Japanese cinema is cited as one of the most important sources of Japanese cultural infusion into the work of Belarusian artists. The article notes that of the eight categories generally accepted in European, Russian, and Japanese art criticism, Belarusians reproduce only five in their work, that are: wabi-sabi, shibumi, iki, yugen, and kawaii. Wabi-sabi is the most frequently expressed by Belarusian artists. It is described as an elusive, difficult to translate, and multidimensional philosophical concept with multiple interpretations. Each artist explains its meaning based on their individual understanding of Japanese beauty. This article examines examples of the use and expression of Japanese philosophical and aesthetic categories through the works of Alexander Larionov, Ilona Kosobuko, Pavel Shappo, Vladimir Gatz, Vyacheslav Pavlovets, Vera Kovzanovich, Andrei Basalyga and Alena Manko. Special attention is given to an overview of Belarusian artists' use of the philosophical and aesthetic categories of wabi-sabi, shibumi, iki, yugen, and kawaii in various forms of fine art, namely: painting, “archaeological painting”, watercolor, graphics and lithography. The most frequently expressed Japanese philosophical and aesthetic category is wabi-sabi.

Key words: Japanese philosophical and aesthetic categories, wabi-sabi, shibumi, iki, yugen, kawaii, contemporary art of Belarus, influence of Japanese culture, Japanese influence in Belarussian fine art.

(Art and Cultur. — 2026. — № 1(61). — P. 32–37)

Адрес для корреспонденции: e-mail: irina.lampe3@gmail.com — И.Ю. Лампе

Опыт последних десятилетий в российском и европейском искусствознании показывает стабильно усиливающийся интерес к японскому искусству. «По своей природе любая культура не может существовать в замкнутом пространстве, ибо даже отрицание “чужого” предполагает его сравнение со “своим”, становясь фактом духовной жизни, не проходящим бесследно» [1, с. 5]. В настоящее время интерес к японской культуре и искусству набирает обороты с учетом мировой глобализации и проявляется во многих сферах искусства. Он выходит на более сложный уровень, что нуждается, по нашему мнению, в детальном исследовании. «Теперь диалог культур предполагает не просто узнавание чего-то нового в другом, но особую гибкость, предрасположенность к углубленному общению с чужим и нетождественным... [...], имеющее целью не просто “знакомство” с духовной культурой другого региона, но погружение в нее для наведения мостов между двумя мирами и поиска не столько готовых истин, сколько Пути собственного внутреннего совершенствования» [1, с. 16].

В отечественном искусствознании фрагментарно изучена тема влияния культурного наследия Японии применительно к Беларуси на разных этапах белорусско-японских отношений второй половины XX — начала XXI в. Влияние японской культуры и художественной традиции в творчестве ряда художников сейчас известно только весьма ограниченному кругу специалистов. Начиная с 1950–1960-х гг. у наших творцов появилась потребность пересмотра установок социалистического реализма, а также возникла необходимость расширить эстетические границы собственного творчества. При этом мастера обратились к художественному опыту мировой и японской культуры. Сегодня заинтересованность Японией и ее культурным наследием стала проявляться шире, чем в предыдущие периоды. Учитывая давнишнее увлечение белорусскими магнатскими родами «восточными диковинками», диалог культур вышел на новый уровень.

Одним из наиболее важных источников проникновения японской культуры в творчество белорусских художников мы считаем японский кинематограф. Постановки Акиры Куросавы дают возможность узнать японскую культуру исходя из представлений ее непосредственного носителя. Фильм «Семь самураев» (1954) оставляет глубокий след в восприятии нескольких поколений

отечественных художников. Помимо японского кинематографа определенную роль в формировании взглядов о Стране восходящего солнца и самурайской культуре, нашедшей отражение в работах ряда белорусских мастеров, сыграл голливудский кинематограф и ставшие знаменитыми фильмы «Сёгун» (1980), «Мемуары гейши» (2005), «47 ронинов» (2013), «Сёгун» (2024).

В процессе проведения исследования о проявлении влияния японской культуры в изобразительном искусстве Беларуси мы констатируем, что обращение к японской культуре расширило тематику и сюжеты произведений белорусских художников, а также позволило разнообразить диапазон их художественных приемов. Каждый из мастеров вдохновлялся отдельной сферой искусства Японии, представляя в произведениях индивидуальную манеру и используя средства японской художественной выразительности исходя из личных предпочтений. Помимо определенных областей японской культуры отечественные художники в своих работах стремятся передать философские и эстетические категории, присущие Японии. Из 8 категорий, общепринятых в европейском, российском и японском искусствознании [2], воспроизводимых в творчестве белорусов, нами было обнаружено пять, а именно: *ваби-саби*, *субуми*, *ики*, *югэн* и *кавайи*. Рассмотрим, как это проявляется в изобразительном искусстве.

Японские философско-эстетические категории. Японская эстетика представляется нам не набором аксиом, закрепленным в философских трактатах, а множеством руководящих намеков или метафор. Некоторые из используемых белорусами могут быть связаны с Дзэн-буддизмом, а другие могут представлять собой художественные конструкции и приемы, которые мы распознаем в изображении и его особенностях.

Белорусские художники в своем творчестве наиболее часто транслируют японскую философско-эстетическую категорию *ваби-саби*. Это трудноуловимая, тяжело-переводимая и многомерная философская концепция с множеством интерпретаций. Каждый из мастеров объясняет ее смысл исходя из индивидуального восприятия красоты «по-японски». Тем не менее данные интерпретации отражают суть японского понимания красоты — как красоты простоты, незаметности и одиночества.

Живопись. *Илона Кособуко* (род. 1966 г.) виртуозно оперирует японскими мотивами,

поскольку изучала японскую живопись самостоятельно и интересовалась ею с детства. Художница работает в станковой и монументальной живописи и центральный мотив ее творчества — это красота мгновения и наполненность смыслом простых вещей, а также эстетика *ваби-саби* и *сибуми*. Ее цикл «Немного белого в этюдах» 2020 г. включает картины нескольких лет и подтверждает приверженность художницы японской идее незавершенности. Полотна предельно просты по сюжету, что характерно для *ваби-саби*. В них И. Кособуко тщательно отбирает мотивы и концентрируется на образе. Композиции содержат большое белое поле листа, что позволяет зрителю додумать то, что хотела выразить художница. Автор дает зрителю всмотреться в то, что обычно не бросается в глаза и считается непривлекательным: стебли пожухлой травы или сломанная ветка облепихи — это серия «Мои травы» (2015), диптих «Дары моря» (2015) и «День цвета граната» (2017), работы «Белое белое утро» (2020) (в названии работы сохранена авторская грамматика. — И.Л.) и «Послевкусие» (2019) и пр. В ее произведениях мы наблюдаем характерные для японской художественной традиции приемы: выход образов за поле холста (открытая композиция), сдержанную цветовую палитру (в краску художница добавляет песок, который делает колорит ее полотен — часто почти монохромный — мягким, «белым» и глубоко изящным, проявляя философско-эстетическую категорию — *сибуми*, изящное, утонченное, рис. 1) и черные контуры обводки. Композиции произведений отличаются камерностью. Однако при этом они эмоционально насыщены, богаты графическими приемами и напоминают фрагменты японских гравюр. Они запечатлевают определенные эмоциональные состояния мастера. Художественный язык И. Кособуко раскрывает тонкое восприятие окружающего мира. Акцент на изысканности и деликатности палитры позволяет создавать оригинальную и чувственную атмосферу полотен в стилистике философской категории *сибуми*.

Павел Шаппо (род. 1981 г.) вдохновляется эстетикой современной японской культуры и философией *кавайи* [3]. Павел обращается к нескольким подвидам данной философской категории, это *эрокавайи* (эстетика прелестного, подразумевающая сексуальную привлекательность) [4, с. 59–62], *бусукавайи* (от *бусуки* /неуклюжий, неловкий, используется как характеристика животных, всячески

умиляющих людей своим забавным и/или неуклюжим/несуразным поведением) и *кимокавайи* (является компиляцией фразы «*Кимоти га варуи*» /испытывать неприятные ощущения; несет смысл «странный, но забавный» или «миленький, но странный», в понятии присутствует определенная амбивалентность передаваемых ощущений, граничащая с гротескным юмором) [4, с. 44]. Помимо открытой композиции и срезанных краем холста образов персонажей, художник использует яркую палитру локальных цветов, не акцентируя свето-теневую моделировку. Мы находим проявление *кимокавайи* в его работах: «Аквариум где-то в центре Л.А.» (2020), «Любимый носорог Густав» (2022), «Flamingo & Cleo» (2022), «Oysters &...» (2020), «Сашими» (2017), «Driving range 9» (2017–2020) и др. Павел изображает своих персонажей в режиме моментальной фотосъемки, делает акцент на несовершенстве образов, непосредственности движений и забавности. Образы художника, странные и экзотичные, притягивают взгляд и основываются на внешнем впечатлении. Подобное мы обнаруживаем в работах «Ночной мотылек», «Коллекция № 18», «Коллекция № 3», «Коллекция № 9» [5]. Необычный выбор персонажей картины «Взбалмошная Бэтси и юркая Лиззи» (2022) (рис. 2) подчеркивает легкую иронию автора и оригинальность трактовки сюжета, приоткрывая собственную интерпретацию *бусукавайи*. Серию работ «Paul Shappo Collection» мы относим к *эрокавайи* — как из-за представленного дизайна, так и из-за необычного цвета кардиганов, что отражено в названии «Лососевый пиджак» или «Райская птичка». Мы склонны рассматривать цикл работ «OBSESSION № 9» в качестве «ностальгии по детству», по безопасному и радостному ощущению интереса к окружающему миру, наполненному радостью познания нового и прекрасного в пространстве. В качестве вдохновения Павел берет свои детские впечатления, добавляет японскую эстетику и перерабатывает их в череду счастливых, чистых и в некоторой степени наивных ностальгических историй. Под покровом тайны внутренних переживаний, забыв о существовании серьезного мира взрослых, персонажи художника отражают его интерпретацию *кавайи* в различных вариациях.

«**Археологическая живопись**». Влияние японской культуры и философии Дзэн-буддизма проявляется особенно ярко в работах художника **Владимира Гаца** (род. 1986 г.).

«Археологическая живопись» представляет собой уникальный феномен, когда картины насыпаются, а на холсте базовым элементом произведений выступает песок и камень. При этом дополнительные оттенки цвета автор создает путем дробления камня и превращения его в «песок», который служит основным средством выразительности в цветовой палитре. В произведениях мастера явственно просматривается отсылка к космогонической теории мироздания Дзэн-буддизма. Работа «Метафизика» (2018) (рис. 3) имеет сразу несколько четких ассоциаций: первобытное искусство, космология, японская живопись и буддийская философия. Художник заново приводит зрителя к тому этапу познания, когда человечество открыло для себя природу и ее красоту в первозданной нетронутости (в данной трактовке совпадает с *ики*). Помимо использования пиктограмм (солнце, человек, растение, животное и пр.) и «универсалий» (согласно терминологии В. Гаца) мастер общается со зрителем базовыми геометрическими формами: через круг, сложный прямоугольник-ромб, полукруг. Их мы находим в работах «Метафизика» (2018), «Движение» (2018), «Все великое стоит в буре» (2018), «Река разносит музыку» (2020), «Девять не собранных» (2020) и др. Художник стремится не только отразить, но проанализировать все многообразие форм и взаимодействий «универсалий», они проявляются в его работах спиралями, плавными линиями или элементами графической «сетки», на поле которой проявляют себя другие образы его художественного языка: «Универсалии» (2016), «Время» (2017), «Универсалии. Знаки» (2017), «Не-сокрытость» (2018), «Космос» (2019). В. Гац по-своему интерпретирует философию Дзэн и в соответствии с теорией о пяти базовых элементах делает акцент на философской категории *ики* (безыскусность, простота вещей).

Графика. **Александр Ларионов** (1949–2013) в своем творчестве вдохновлялся стихами японского поэта Мацуо Басё, сделав в общей сложности два цикла графических листов в течение 30 лет. Триптих-зачин «Планета Мацуо Басё» и 35 произведений, представляющих собой черно-белую графику (все — картон, тушь, размер 40x40 см), не являются собственно иллюстрациями конкретных стихотворений японского поэта. Они результаты поиска художником собственных метафор, личные размышления белорусского мастера на тему лирики Басё, а также

отражение образов, которые характерны для природы белорусского Принёманья. Мастер использует свою образно-пластическую интерпретацию природы — он изображает гармонию мира родной природы применительно к стихам японца. А. Ларионов экспериментирует с размещением образов на разных планах картины: так, в работе «Янтарное ожерелье» (рис. 4) ветка сосны вынесена на передний план, остальные образы оставлены на заднем плане, низкая линия горизонта дополняет выразительный пейзаж. Мастер часто усиливает японские мотивы, применяя для них индивидуальную трактовку, и тем самым переводит язык поэзии Басё на более доступный образный язык — для соотечественников-белорусов. Сюжеты его работ символичны и полны образов, традиционно связываемых в Японии с ваби-саби: сломанное дерево, продолжающее жизнь в оставшихся ветках; нахохлившийся старый ворон на дремучем валуне; цветущая ивовая ветвь в разлитой половодьем реке и т.д. Колорит его произведений в цветовом отношении сдержан и скуп. Мы не обнаруживаем в живописи художника ярких красок, чистого цвета, его графика имеет приглушенные тона, что характерно для ваби-саби. Именно так белорусский художник видит родную природу, опираясь на свои корни. А. Ларионов стремится передать подлинное мироощущение, являющее себя в желании Басё поделиться красотой ваби-саби, сокрытой в простых вещах: работы «Лунопад», «Ветер такой, что Луна с неба сносит...», «Гора Фудзи» (все 1990–1992) и др. Японская философия Дзэн (как поклонение японцев природе) также отражена в его произведениях. Белорусский художник по-своему интерпретирует ее и придерживается философско-эстетической категории — ваби-саби, в трактовке «печальная простота вещей».

Офорт. **Андрей Басалыга** (род. 1970 г.) нашел свой уникальный стиль в диалоге между традиционным искусством и авангардом XX в., он философичен, лаконичен, скуп. В нем прослеживается влияние японского минималистского принципа ваби-саби в прочтении «убрать все лишнее». Данный принцип у А. Басалыги просматривается в качестве квинтэссенции проявления вкуса и демонстрации философского принципа ваби (в этом случае «внутреннее сосредоточение», которое график постигал через изучение японской живописи). Работа «Архитектура» (2018) насыщена глубоким

философским содержанием, она продолжилась сериями «Time Traps» и «Антология черного» (2019). На них нанесена собственная печать художника в духе японской живописи тушью суйбокуга. Показательна серия офортов «Тексты посланий» (2020–2021) (рис. 5), которая богата на размышления над знаками письменности и их символизмом. Белорусский художник обыгрывает образ абстрактного знака-иероглифа, выражающего некую идею в противовес образу его написания. Серия отражает философию буддизма применительно к каллиграфии, которая в Японии была тесным образом связана с живописью.

Акварель. Работы **Вячеслава Павловца** (род. 1959 г.) напоминают японское искусство общим настроением, медитативностью и выраженным спокойствием. Линейная перспектива как организующий момент композиции задумана мастером, как взгляд на мир одновременно с двух сторон — изнутри и со стороны (изучал живопись суйбокуга). Особенно ярко это проявлено в серии 2008 г. «Деревья» и 2015 г. «Чорна-белыя мроі» (рис. 6). Художник «...воспел и возвысил до поэтической метафоры белорусский бессолнечный “серенький денек”, в котором он увидел десятки тончайших нюансов» [6, с. 7–8]. Его графические циклы «Впечатления», «Деревья», «Материя времени», «Реальность нереальности», «Движения подсознательно», «Создание буквы», «Геометрия пейзажа» философичны и полны печали *ваби-саби*, в сюжете произведений (а это монохромный минималистический пейзаж) проскальзывает то, что роднит их с картинами *суми-э*: асимметричная открытая композиция, выразительные линии (серия «Успаміны»), низкая линия горизонта и акцентированный передний план (серии «Успаміны», «Дрэва» (обе 2002) и пр.).

В произведениях **Веры Ковзанович** (род. 1984 г.) нашли свое отражение характерные признаки японской эстетики, выросшей на основе философии Дзэн — *ваби-саби*, в трактовке «простота, незаметность, одиночество». С помощью *ваби-саби* автор решила для себя художественную дилемму: как создавать картины, не преследуя тенденцию к монетизации искусства, сопутствующую процессу продажи произведений. Она использует приемы, свойственные японской гравюре (изучала самостоятельно): срезанные краем листа образы и укрупненные детали переднего плана. Основное выразительное средство живописи В. Ковзанович — это линия, пятно и фактура, за счет которых

передаются ключевые творческие идеи. В ее пейзажах прослеживается индивидуально-творческое, эмоциональное отношение к изображаемому. Изменчивость природы претворяется ею не только по сезонам (что характерно для японской живописи *суйбокуга*), но и по времени суток, а также с учетом различного освещения (в снег, дождь, в сумерках, в тумане и пр.), когда мелкие детали становятся неразличимы и таинственны, а предметы выступают лишь своими силуэтами. Работы «Застыць у прасторы» (2017), «Вільготная раніца» (2018), «Таямнічае святло» (2018), «Тонкае святло» (2018), «Адчуванне вясны» (2018), «Першы снег» (2019), «Зазірнуць за туман» (2020), отражают восторженное отношение художницы к природе, демонстрирующее философскую категорию *юээн* (таинственная красота) (рис. 7).

Литография. Индивидуальную интерпретацию японской художественной традиции мы наблюдаем и в творчестве **Алены Манько** (род. 1981 г.). Художница-график тонко работает с локальным цветом и цветовыми переходами, она обладатель индивидуального художественного языка в отражении японской культуры. Ее привлекла тематика буддизма и самураев, что повлекло за собой переосмысление и самостоятельное погружение в японскую культуру. Серия 2018 г. «Exsiccatum» (рис. 8) целиком посвящена одиночеству, Пути самурая и навеяна мотивами фильмов Акиры Куросавы. Серия была продолжена работами «Тот, кто носит доспехи — не всегда рыцарь» (2020), «Чужие доспехи» (2022), «Чайный Мастер» (2022), содержит образы самураев на различных этапах Пути. Они сдержанны по своей цветовой гамме и отражают восхищение художницы самурайской культурой и гравюрами *укиё-э*, которые Алена изучала самостоятельно. Работы мастера удивляют глубоким философским пониманием специфики отображаемых образов, что проявляется в проработке оружия, доспехов и амуниции. Литографии А. Манько демонстрируют детальную проработку Аленой образов японского искусства и глубинных смыслов синтоистско-буддийского контекста в индивидуальном осмыслении *ваби-саби* (в трактовке «красота одиночества»), что усиливается растительными мотивами.

Заключение. Намеренное и целенаправленное изучение японской культуры несомненно находит свое философское отражение в белорусском искусстве и проявляется

в применении специфических приемов, техник, мотивов и образов, характерных для японской традиции. Авторы вдумчиво подходят к использованию эстетических понятий и философии Дзэн-буддизма, избирательно обращаясь с ними в качестве средства для более глубокого осмысления Мироздания. Описывая произведения белорусских творцов, мы констатируем, что использование аллюзий на японские философско-эстетические категории зависит от уровня проникновения японской культуры в их мировосприятие. Глубокое погружение в японскую эстетику позволяет отражать намеки на принятые в японской традиции философско-эстетические категории *ваби-саби*, *сибуми*, *ики*, *югэн* и *кавайи*. Наиболее часто транслируемой художниками является категория *ваби-саби*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, Н.С. Япония—Европа. Диалог в искусстве. Середина XVI — начало XX века / Н.С. Николаева. — М.: Изобразительное искусство, 1996. — 400 с.
2. Parkes G. Japanese Aesthetics / Graham Parkes, Adam Loughnane // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2024 Edition), Edward N. Zalta & Uri Nodelman (eds.). — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2024/entries/japanese-aesthetics/> (дата обращения: 19.09.2025).
3. Ёмота, Инухико. Теория кавайи / Инухико Ёмота. — Токио: Сакаи Эйдженси, 2018. — 98 с.
4. Катасонова, Е.Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры / Е.Л. Катасонова; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Вост. лит., 2012. — 357 с.
5. Павел Шаппо / Семья Шаппо [сайт]. — Минск, 2024. — URL: <http://shappo.org/pavel> (дата обращения: 15.01.2025).
6. Акварельны сусвет Вячаслава Паўлаўца = Акварельная вселенная Вячаслава Павловца = The Watercolour Universe of Viachaslau Paulavets: альбом / уклад.: Вячаслаў Паўлавец; прадм.: Надзея Усава; фота: Вячаслаў Паўлавец, Дзмітрый Казлоў, Яўген Колчаў. — Мн.: Звезда, 2018. — 112 с.: іл.

Поступила в редакцию 29.09.2025